

СОВЕСТЬ АРТИСТА

Велта ЛИНЕ,

народная артистка Латвийской ССР

Начало осени — особое время для нас, людей, так или иначе связанных с театром.

Приходит время новых встреч с нашими зрителями, и как тут еще и еще раз не задуматься о важности и нужности нашего искусства, о нашей общей ответственности за его содержание, о высокоом назначении сцены, ставшей для артиста главным смыслом всей его жизни. Для меня в эту пору, как никогда, высока потребность остаться наедине со своими раздумьями. В них и итоги свершенного, и планы на предстоящий сезон, и мечты о будущем.

Сложное и радостное время выпало на нашу долю. Сама жизнь, бурлящая водоворотом событий внутри страны и за рубежом, постоянно подбрасывает художнику пищу для размышлений.

С интересом, залпом прочла я речь Леонида Ильича Брежнева, произнесенную в столице Казахстана. Не только потому, что битва за большой хлеб близко касается каждого советского человека. Я читала газетные строки и невольно проводила мысленные параллели, перебрасывая мостики от народнохозяйственных проблем, о которых говорил Л. И. Брежнев, к своей профессии, к нашему «актерскому цеху», к себе как коммунисту, человеку.

Л. И. Брежнев назвал главным фактором современности новых людей, воспитанных партией, социалистическим обществом. Все, что есть у нас сегодня, все, чего мы надеемся достичь завтра, зависит от нас, от нашей готовности и умения работать по-новому, по-коммунистически, от преданности делу, образованности, чувства ответственности за свой труд.

Совершенно новые люди, располагающие таким арсеналом знаний и умений, какой и не грезился предшественникам. Они отличаются не только сложнейшей организацией интеллекта. Они обладают развитой и чуткой эмоциональной структурой. Для них — современный театр, для них — наше искусство. Они судят строго: полуправду, приблизительность в искусстве они решительно не приемлют. Как не приемлют ложность, бескрылую риторику, любое повторение пройденного. Они идут в театр за открытиями. И мы обязаны совершать эти открытия в каждом спектакле.

В нашем зрительном зале сегодня люди, ищущие новые пути в своей работе, умеющие жить и работать крупно, по самому большому счету.

Такой зритель — и адресат, и питательная среда нашего творчества. Тут связь двуединая. Не только потому, что все мы, работники сегодняшнего театра, выходцы из народа, часть его, всеми социальными и жизненными корнями связанные с его глубинными пластами. А потому главное, что лишь атмосфера живой жизни, труда может наполнить кислородом легкие артиста. Вне этой атмосферы он неминуемо задохнется, погибнет.

Чувство слитности, единства со зрителем очень важно для живого процесса творчества. Однако миссия искусства, театра не исчерпывается его способностью воссоздавать атмосферу народной жизни. Значение театра социалистического реализма — понимая жизнь, различая объективные законы ее развития, активно **вторгаться** в нее.

Современный актер, по-моему, — это тот, кто более всего нужен и полезен современному зрителю. Это тот, кому зритель вполне доверяет, за которым он готов следовать.

И, конечно, современный актер должен многое знать. Ему нужна не только развитая интуиция, но и развитый интеллект. Он должен располагать отличными мыслительными способностями. Ясностью убеждений. Широкой взглядом. Принципиальностью. Дело ведь не в том, чтобы выбить слезу или вызвать хохот публики. Дело в том, чтобы разбудить в зрителях глубокие чувства, помочь людям яснее различить цель их труда, уяснить смысл жизни. Это трудно. Это не дается в готовом виде. Это добывается всю жизнь. Но без этого трудного умения на мыслью я современного искусства.

Чем умнее зритель, чем увереннее чувствует он себя в технике, в науке, тем глубже мы, артисты, должны проникать в его сердце. Иначе он станет развиваться однобоко. Ведь никакая техника не может заменить человеку красоту переживаний. Ни одно счетно-вычислительное устройство не может запрограммировать любовь или дружбу, страдание или счастье. Я не знаю, каким будет театр будущего, но совершенно уверена, его основы закладываются сегодня.

Достаточно ли активно, достаточно ли страстно и умело используем мы для этого каждую роль, каждый спектакль? И дают ли нам драматурги необходимый плацдарм для борьбы за нового человека?

Я прошла сложный лабиринт сценических образов. И именно они, мои 70 ролей, были для меня наилучшим универси-

тетом. Гордому достоинству женщины из народа учила меня Лиене из «Земли зеленой». К возвышенному и самоотверженному отношению к искусству как к благородной гражданской функции человека призывали меня Нина Заречная и художница Кайва из «Глины и фарфора». Что такое истинный подвиг любви, открыла мне Анна Каренина...

Я училась утверждать и открывая. Моя Варвара Михайловна из «Дачников» потребовала у меня активного неприятия паразитизма, праздности, лениности мысли.

Особенно дороги мне роли моих современниц. Хотя тут-то мой репертуарный список беднеет, к сожалению. Но все же Наденька з пьесе «Однажды, в новогоднюю ночь» стала для меня символом открытости, великодушия, духовной щедрости обыкновенной советской женщины наших дней. А образ экстравагантной, кокетливой хищницы из пьесы Хария Гулбиса «Теплая, милая ушанка» призвал меня броситься в бой с воинствующим мещанством.

Дело в том, что зло не всегда рядится в лохмотья, не всегда открыто принимает обличье старой ведьмы. Если на лице написано «злодейка», тут уж и думать не о чем — остерегайся, вот и все. Но порой живет еще с нами рядом скрытое зло. Оно — самое опасное. Я хотела, чтобы зрители вместе со мной возненавидели мою Велту Раудинию, разгадав, что за ее изысканством и модным лоском скрываются эгоизм, потребительство, духовная нищета.

Иногда, уподобляясь милому Чудакову, рожденному гению Владимира Маяковского, я мечтаю о фантастической машине времени. Эта машина, которую изобретет человечество, сможет пронизывать своими лазерными лучами толщу веков. Так вот, если луч этого чудо-аппарата обратится из грядущего в нашу эпоху и озарит нашу жизнь, наше искусство, деятельность каждого из нас, — какими предстанем мы перед глазами далеких потомков? Не пробежит ли вдруг по их лицам тень разочарования? Не замутятся ли — хоть на мгновение! — туманом линзы грядущих супертелескопов?

Я знаю, эпоха наша и ее искусство героичны, прекрасны. Но — в частности? Во всех ли частностях мы на уровне эпохи?

И снова хочется повторить слова Л. И. Брежнева: «Давайте же, товарищи, поработаем так, чтобы наша совесть перед судом потомков была чиста»...